



УДК 343.131  
ББК 67.99(2)8

### ПЯТЬ ТЕЗИСОВ ИЗ МАНИФЕСТА КРИТИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА <sup>1</sup>

**Александров Александр Сергеевич**

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса,  
Нижегородская академия МВД России  
anrc@rambler.ru

Анкудиновское шоссе, 3, 603144 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**Терехин Владимир Вячеславович**

Кандидат юридических наук, доцент,  
Нижегородская академия МВД России  
v.w.terekhin@yandex.ru

Анкудиновское шоссе, 3, 603144 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**Аннотация.** Манифест нижегородской школы процессуалистов направлен на то, чтобы изменить науку по специальности 12.00.09. Авторы излагают в статье пять тезисов из этого манифеста. Они касаются таких категорий, как субъект, объект, истина, познание. Тем самым определяется сущность критических правовых исследований, составляющих методологию новой науки об уголовном процессе. Задачей является деконструкция основных понятий классической науки о праве, правосудии, доказывании. Подвергается критике догматика господствующей правовой доктрины. В качестве основных объектов уголовно-процессуальной реальности предлагаются текст, язык, рече-деятельность, знак. Право объясняется как текст закона, помноженный на его интерпретации в ходе судебного разбирательства. Судопроизводство трактуется как языковая игра. Истина является результатом согласования высказываний об истинном. В статье предпринимается попытка дать новое определение праву, судопроизводству, уголовной юстиции. Они предлагают новую трактовку назначения уголовного процесса в обществе как проговаривания насилия, необходимого для поддержания в равновесном состоянии социальной структуры. Отдельное внимание уделено критике современных тенденций в развитии российского уголовно-процессуального законодательства.

**Ключевые слова:** критические правовые исследования, уголовный процесс, уголовная юстиция, объект и субъект, судебная истина.

Социалистический тип уголовно-процессуального права был нехорош, но и современный тип не более привлекателен. Почему так, точно не знаем. Но мы избрали школу критических правовых исследований<sup>2</sup> как основу для анализа явлений современного русского буржуазного уголовно-процессуального права.

Не претендуем на глобальные обобщения. Мы просто вынесли из череды наших крушений и поражений маленький урок – недоверие к любому метадискурсу – официальному учению, доктрине, концепции, которая презентует себя как истинное знание. Особенно если эта концепция продвигается неким начальником и протаскивается в парламенте через закулисные интриги. Мы имеем в виду законопроект, который был разработан в СК РФ и внесен в Государственную Думу Федерального собрания депутатом А.А. Ремезковым [3].

Мы считаем, что с некоторых пор (примерно с 2005 г.) строительство «нового» российского «права» есть повторение советского опыта, пугающего своей похожестью и предсказуемостью судьбы. Поэтому мы целенаправленно противостоям научному мейнстриму, аполитичному и неспособному к принципиальной критике существующей правовой реальности. Для нас же игра, политическая борьба в текстовом поле – способ существования. «Борьба сразу начинается как экономическая, политическая, культурная – и, следовательно, она становится биополитической борьбой, борьбой за форму жизни. Она становится борьбой созидательной, создающей новые публичные пространства и новые формы общности» [4, с. 67]. Возможность сыграть на стороне слабейшей команды – вызов научному истеблишменту. Мы оппонируем тотальности его «статуса-кво», воплощенного в официальной правовой доктрине, ради «глобальной справедливости». Мы проводим линию на то, что правоведение – это разновидность искусства, и правоведу надо писать о том, что его волнует более всего на данный момент. Наш стиль критического письма – это скорее манифестация авторского социального правосознания, а не «нормальная юридическая наука».

«Научный» дискурс о праве начинается там, где возникает негативная эмоция при чтении, понимании текста закона. Негативные эмоции переполняют нас сейчас. Сейчас гос-

подствует правая идеология во всем многообразии ее оттенков, от крайне правых, фашистских, националистических до праволиберальных. Левый проект потерпел крах в мировом масштабе. Возможность противостояния основному потоку праволиберальной мысли воодушевляет нас, так же как и возможность бросить вызов формализму и объективизму закостенелой догмы права. Поскольку старый левый проект у нас в России сейчас является маргинальным в юридических кругах, мы выступаем за его восстановление, как противовес правой идеологии. Мы считаем, что для современной антикоммунистической России актуальность приобрел неомарксистский подход – для критики существующего права и правопорядка<sup>3</sup>. Диалог с властью по поводу смысла права будет наиболее острым, если его вести с крайне левых позиций, то есть в интересах социальных низов.

Впрочем, внетекстовая борьба, настоящая социальная борьба – *не наш профиль*. Наш посыл не в том, чтобы нести «благую весть», громоздить свое «животворящее» учение, тем более претворять его в жизнь, но в том, чтобы *иронически* комментировать текст – существующую правовую реальность. Может быть, еще и в том, чтобы *скоморошничать*, особенно когда не смешно. *Не меч мы несем, но мяч*. Игра – вот исчерпывающее определение нашего интеллектуального маневра. Мы исходим из того, что все ходы уже были сделаны на культурном поле, классические партии стали историей. Но игра продолжается. Так что сыграем еще раз. Ставка в этой игре – смысл и стиль. Не больше, но и никак не меньше. Вклад читателя в рождение смысла не менее значим, чем авторов данного текста; мы начинаем – вам продолжать.

Перечислим ряд мировоззренческих позиций, на которых мы строим свой «постпостмодернистский» Symbolum. Они, признаем, противоречивы и не вполне постмодернистские. Но они дают возможность играть.

1. Первична материя, а не идея. Все причины и следствия, прослеживаемые в праве, находятся в человеке, его теле и душе, а также в сообществе людей.

2. Нет «Субъекта». Этим «антигуманным» актом деконструируем классическую бинарную оппозицию Субъект-Объект. Вмес-

то метафизического «Субъект», некоего «абсолютного наблюдателя», предпочитаем говорить о конкретном «эмпирическом человеке», нагруженном биографией, историей, практиками и традициями – «частном наблюдателе». В реальном «субъекте» (участнике уголовного процесса) слишком много объективного, а в объекте (деле) – субъективного, так что противостояния нет. Имеют место встречные субъективизация объекта и объективизация субъекта. Объективность субъекта – в типичности его мышления, запрограммированности языком, культурой, традицией, формой. Забвение о процессуальной, речевой *самости* субъекта приводит к тому, что стирается грань между субъективизмом и произволом, ибо субъективизм и отличается от произвола (в том числе) отрефлексированностью процесса принятия решения по делу с позиции соответствия правовым нормам и ценностям [2, с. 346].

Мы разделяем мнение о производности сознания и мышления от языка. Разум – это язык. Сознание имеет языковое устройство. Реальность дана человеку в языковой картине. Когнитивные структуры (символическое, знаковое) делают эмпирический опыт знанием (смыслом) в процессе рече-деятельности. Язык говорит субъектом. Язык уголовного судопроизводства говорит его участниками. «Субъект» – дискурсивная функция, выполняемая языком, а свобода воли («внутреннего убеждения») судьи – симулякр.

Человек как физический объект встроен в силовое поле власти. Его символ – «юридический субъект» – пришпилен к словесам-декорациям судебной драмы, постоянно разыгрываемой в театре правосудия. В ходе судебного символического действия проговариваются и становятся юридической реальностью социальные отношения власти-знания; борьбе интерпретаций текста закона коррелируют отношения участников судопроизводства.

*Существование «субъекта» здесь и сейчас* удобно объяснить через хайдеггеровское понятие «Dasein». «Дазайн» – это не «субъект» в его классическом понимании: «дазайн» – это существо, «вовлеченное в мир». «Мир» представляется как нечто, существующее «при» Dasein и неотделимое от него экзистенциально. «Мир» – это то, без чего Dasein не может существовать. Dasein всегда обладает своим «ми-

ром», обеспечивающим его бытийственность, условия существования. Вещи, составляющие мир Dasein, используемые им, обладают свойством «сподручности», употребляемости. Если они не включены в мир человека, то они «безмирны», не актуальны. Так и «право-тут», о котором мы будем далее говорить, это актуальный смысл текста закона, пригодный для достижения целей субъекта процесса. То же самое можно сказать и о «доказательстве» – это не информация вообще, а то, что воспринято субъектом доказывания как «след преступления», то есть то, что актуально здесь и сейчас для «раскрытия» преступления (акт познания) и «привлечения» преступника (акт принуждения).

В юридическом мире «Dasein», на наш взгляд, означает то, что правовые тексты имеют для «находящегося здесь человека» значение только тогда, когда он может с ними что-то делать в «данном деле», в котором он участвует и в связи с которым он задается вопросом об истине (знании, ведущем к истине, нужном знании). «Человек, существующий здесь и сейчас» есть мера всех юридических вещей, как тех, что существуют, так и тех, что не существуют. И потому человека судить может только человек, а не машина, и проверять, оценивать доказательства, констатировать установление истины также должен только судья (присяжный), но не машина, технический процесс и (или) специалист при нем<sup>4</sup>. При оценке людьми поведения других людей приоритет должен отдаваться морально-этическим критериям, не потому, что истина или рациональное начало игнорируется, а потому, что такова природа человеческого поступка.

3. «Объекта» тоже нет. Как не существует трансцендентального «Субъекта познания», так и «независимого» от сознания субъекта «Объекта» тоже нет. При исчезновении оппозиции исчезают и субъект, и объект как феноменологические сущности. Без самостоятельного «познающего» нет и «познаваемого». Объективизация субъекта и субъективизация объекта приводят к тому, что стирается принципиальная грань между ними. «Экзистенциализация» правового (судебного) познания уничтожает классическую бинарную оппозицию познающего субъекта и познаваемого объекта. Субъект есть совокупность его отношений с миром.

Субъективный фактор является сопутствующим атрибутом языка, что «размывает», в свою очередь, «объект», его символическая проекция (уголовное дело) реальнее референта (преступления, о котором данное дело).

Психическая, бессознательная «объективности» встроены в субъект, образы сознания не менее объективны, чем сам субъект. Виртуальная реальность в наши дни стала почти соразмерной с подлинной реальностью и распространила на последнюю допустимость конструирования смысла тех или иных событий.

«Субъект» и познает, и познается (в юридическом деле) номинально, символически; его существование в экстралингвистической реальности является разумным предположением. Мы мыслим, познаем посредством языковых структур. В языковом мышлении «мир» – это набор понятий и моделей их соединения. Языковая картина мира представляет аналоговую реальность посредством дискретных цифровых единиц, равных словам, и соединяет их в совокупности, имеющие определенную синтаксическую структуру.

Грамматика, синтаксис – первичное условие упорядоченности наших представлений о мире (правовом) при нас. Субъективность имеет дело не с реальностью, но с синтаксисом, рождающим маркировки, доступные прочтению в виде знаков. Мысль изобретает речь. Но без речи немислима мысль. Судоговорение, судебное доказывание – это *речедятельность, опосредующая смыслпроизводство*. Уголовно-процессуальное доказывание представляет собой *семиозис* – порождение и функционирование знаков, выстраивание семиотической структуры. При этом происходит распознавание «действительности» в виде языковых (знаковых) структур, которые создаются речью в судебном заседании. Они воспринимаются, понимаются судебной аудиторией рациональным путем и на бессознательном уровне по тем схемам и моделям (когнитивным), которые заложены в психику человека языком. Знаки отсылают не к реальности, а возбуждают когнитивную структуру.

Доведя до крайности это положение, можно сказать, что символ, знак, означающее более реально, чем «объективная реальность». О существовании иной реальности, кроме прочитываемой в виде текста, мы можем стро-

ить лишь предположения исходя из нашего языкового опыта. Тезис о «немотивированности знака»: знаки отсылают только к знакам, а не к реальности, ведет к релятивизму, солипсизму. Но мы стараемся не переходить черту, разделяющую материализм и идеализм. В зале суда юристу надо оставаться прагматиком, реалистом, опирающимся на здравый смысл.

4. Нет диктату «методологии». Мы являемся сторонниками гносеологического плюрализма (вплоть до эпистемологического анархизма в духе П. Фейерабенда). Как правило, исследователь приходит уже в готовую структуру, корпус знаний, освященных авторитетом (учителя, школы, научной организации). Он находит себя в эпистеме, где культивируется определенная языковая картина мира. Надо осознать этот диктат и или смириться с ним, или бороться, или попытаться по-пере-играть. Мы против того, чтобы слепо принимать условности, выдаваемые за объективные закономерности.

Любая методология есть совокупность ограничений, добровольно принятых на себя исследователем. Это неоправданное предпочтение одного метода над другими и значит обеднение своих возможностей не только в исследовании, но даже в обнаружении предмета. Особое неприятие вызывает та «методология», которую продолжают практиковать представители настоящей «научной науки» и чей отпечаток несет на себе структура автореферата диссертации. Она низвела у нас учение о «живом», «реальном» праве в схоластические упражнения, которые, в свою очередь, являются банальным прикрытием эгоистических интересов собственников юридического дискурса. Классическая теория права, претендующая на статус мета-языка для всех юридических наук, уже давно не предлагает ни одной оригинальной идеи. Такой образ существования (интеллектуальное прозябание) правоведов обусловлен логоцентрическим мировоззрением отечественного правоведения. Тем самым они обрекают себя на послушание и кружение, хождение по кругу. Правильное «устройство ума» начинающего исследователя – освобождение сознания.

Отрицание «консервативной методологии» обусловлено навязываемой системой представлений о праве как разновидности метадискурса, подчиняющего себе исследователя и предопределяющего результат его по-

знавательных усилий. В области методологии мы признаем полезность лишь «деконструкции» при рассмотрении онтологических основ права и правосудия. Только междисциплинарные исследования на стыке социологии, психологии, лингвистики, психологии, антропологии и правоведения способны сделать науку об уголовном процессе настоящей наукой. На «правовое» надо смотреть с разных сторон, используя разные методы и, главное, по-разному понимая само право, его «химию», его звучание. Для кого-то в нем важна нормативная сущность, для кого-то – языковая, или психическая, или даже биологическая. Пусть расцветают тысячи подходов, и пусть не будет методологического принуждения. В данный момент нами предлагается определенный «психолингвистический» образ видения уголовно-процессуальных, судебных явлений. *Теория Риторика* для нас имеет в некотором смысле «методологическое значение». Игра с идеологемами, штампами, канонами, которые освящены авторитетом учителей, и высмеивание звериной серьезности, с которой они воспринимаются коллегами, – это практикуемый нами прием «*пастуша*». Мы деконструируем юридический текст не для того, чтобы открыть в нем «правильный» смысл, но чтобы убедиться в его идеологичности и высмеять.

И еще, Интернет привнес новую реальность в аргументационную ситуацию, здесь «все сгодится» для аргументации. Здесь есть гипертекст и универсальная аудитория (толпа). Поэтому в Интернете имеет место аргументирование непосредственно перед «народом», а не перед юристами, мыслителями или государем<sup>5</sup>. Новая состязательная теория судебных доказательств – это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации.

5. Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек. Материя объективна и первична; разум (язык) вторичен, слаб и лукав; все «истины», которых он добивается, относительны. Оппозиция ложь/истина относительна («истина – ложь, вывернутая наизнанку» по Ж. Деррида). Особенно это актуально для уголовного судопроизводства. Мера лживости и истинности «правдоподобного» утверждения любой из сторон в уголовном

деле пропорциональна его убедительности. Это не значит, что за «истину» не надо бороться. Это надо делать изо всех сил. Но никакая «истина» не может быть освобождена от критики. Сомневаться в «истинности» утверждения противника – это легальный способ мышления в состязательном процессе. «Всякий, кто сознает, что, что он сомневается, сознает это свое сомнение как некоторую истину» (Аврелий Августин (Блаженный)). Потому стандарт «разумных сомнений» – универсальный стандарт определения действительности судебной истины и интерпретации. Не может быть универсальной рациональности, есть лишь различные *языковые игры*.

Правосудие – это игра, его значимость и социальная ценность в самой игре, ее организации. Судебная речь (судоговорение) есть элемент речевого устройства общества, в этом объективность (публичность, общественная значимость) результатов судоговорения в виде приговора, иного судебного решения по делу.

Судебная истина является гадательной, вероятным знанием. Концепция объективной истины – явление зла, порожденное инквизиционной (а значит, тоталитарной) юридической традицией. Мы не принимаем распространенную метафору «отражения», служащую методологическим базисом для теории объективной истины. Познание – это приобретение и осваивание (переработка) человеком по определенным схемам (когнитивным контурам) из внешней среды с целью адаптации к этой среде. Познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством конструирования полезных моделей реальности. Так что «знание» надо рассматривать не с точки зрения дихотомии «правильное-неправильное», а как полезное или вредное для решения практических задач. Поскольку ценность знания определяется его способностью дать адаптироваться к окружающей среде, постольку и уголовно-процессуальное ценно своей способностью наилучшим образом позволить обществу адаптироваться к существующим условиям (внешняя и внутренняя социально-политическая обстановка). «Полезным» является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы (социума). Такова и «судебная истина» – она инструмент

адаптации индивида и общества к окружающей среде. Следует говорить не об истинности судебного решения, а о его способности выполнять функцию урегулирования правового конфликта, стабилизации системы.

«Истинными» должны быть порядок, форма, процедура судебного познания, а не цель, результат. Суду надо стремиться не к тому, чтобы познать «объективную истину», а соблюсти справедливый порядок судебного процесса, это стабилизирует. В идеале само судоговорение, сам процесс, «игра» должны объединять нацию на чувстве общности, солидарности и укреплять социальную структуру.

Судебная истина есть результат судоговорения (судебной аргументации). Она – в голове у судьи, это состояние его внутреннего убеждения. Судебная истина – это юридическая истина, ее действительность – в законе, ее разумность – в отсутствии разумных сомнений. Судебная истина должна быть правдоподобной, а наиболее правдоподобно то, что ближе всего к знакомому, обычному, повседневному. Потому в области судебной аргументации в качестве индикатора истины выступают здравый смысл и общественное мнение (докса). «Объективность» судебной истины состоит в верифицируемости; вначале на уровне вышестоящей судебной инстанции, затем в универсальной аудитории, которая ассоциируется скорее с доксой (общественным мнением), а не с «абсолютным разумом».

«Знание» (судебное) – это структура, и потому его «хоромы не долго стоят». Оно состоятельно, действительно, пока позволяет решать актуальные для существования человека, общества вопросы. Со сломом структуры, изменением контекста подвергаются сомнению истины (гуманитарные) и выбрасываются на свалку истории приговоры.

Итак, есть реальное, живое, эмпирическое право, отличное от книжного, кабинетного «объективного права», выдуманного интеллектуалами. Право постижимо в различных режимах реальности. Оппозицию права (jus) и закона (lex) мы преодолеваем через понятие «Право = Текст», текст закона – смысловое поле для определения *права здесь и сейчас*, «права-тут».

Мы выступаем за демократию как основу конкуренции и свободы в правовой сфере. Демократия, открытое общество является наи-

более жизнеспособной организацией социальной системы. В демократическом *открытом* обществе состязательное правосудие является эффективным способом перераспределения энтропии, разрушительной энергии, которая есть и в человеке, и в обществе. Наш идеологический противник – ортодоксально-консервативный правовед. Свой левый радикализм мы противопоставляем неоконсерватизму, национализму, догматизму, фундаментализму.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-03-00048.

<sup>2</sup> Critical legal studies («CLS» или «Crit»).

<sup>3</sup> В принципе он и был этим всегда силен – критикой. Вот после того, как стал официальным учением, превратился в догму. Теперь все вернулось на круги своя – он снова маргинальный дискурс, а значит, и критический, креативный.

<sup>4</sup> Напоминаем на распространяющуюся в криминалистических кругах моду на психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа (СПФЭ).

<sup>5</sup> В этом, кстати, была подоплека создания проекта «Живой уголок dr. Aleksandroff'a» [1].

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Живой уголок dr. Aleksandroff'a // Международная ассоциация содействия правосудию. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iauj.net/taxonomy/term/5>. – Загл. с экрана.

2. Никонов, М. А. К критике натуралистического подхода и концепта объективной истины в уголовном судопроизводстве / М. А. Никонов // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секция «Уголовно-процессуальное право» и «Юридическая психология»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 13–14 дек. 2012 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 345–353.

3. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=440058-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=440058-6&02) (дата обращения: 05.05.2014). – Загл. с экрана.

4. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

REFERENCES

1. Zhivoy ugolok dr. Aleksandroffa [Pets' Corner of Dr. Aleksandroff]. *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya sodeystviya pravosudiyu* [International Union of Assistance to Justice]. Available at: <http://www.iaaj.net/taxonomy/term/5>.

2. Nikonov M.A. K kritike naturalisticheskogo podkhoda i kontsepta obyektivnoy istiny v ugovnom sudoproizvodstve [On the Critique of the Naturalistic Approach and the Concept of Objective Truth in Criminal Proceedings]. *Sovremennoe sostoyanie i problemy ugovnogo i ugovno-protsessualnogo prava, yuridicheskoy psikhologii. Sektsiya "Ugovno-protsessualnoe pravo" i "Yuridicheskaya psikhologiya": materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Volgograd, 13-14 dekabrya 2012 g.* [Current Status and Problems

of the Criminal and Criminal Procedure Law, Legal Psychology. Section "Criminal Procedure Law" and "Legal Psychology": Proceedings of the International Research and Practice Conference, Volgograd, December 13-14, 2012]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2012, pp. 345-353.

3. *Proekt federalnogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya obyektivnoy istiny po ugovnomu delu"* [The Draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection With the Introduction of the Establishment of Objective Truth in a Criminal Case"]. Available at: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=440058-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=440058-6&02) (accessed May 5, 2014).

4. Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Moscow, Praksis Publ., 2004. 440 p.

FIVE THESES FROM THE MANIFESTO  
OF CRITICAL LEGAL RESEARCH  
OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW

**Aleksandrov Aleksandr Sergeevich**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Department of Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia  
[anrc@rambler.ru](mailto:anrc@rambler.ru)  
Ankudinovskoe Highway, 3, 603144 Nizhny Novgorod, Russian Federation

**Terekhin Vladimir Vyacheslavovich**

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia  
[v.w.terekhin@yandex.ru](mailto:v.w.terekhin@yandex.ru)  
Ankudinovskoe Highway, 3, 603144 Nizhny Novgorod, Russian Federation

**Abstract.** The manifesto of the Nizhny Novgorod processualist school is aimed at changing the science in the discipline "Criminal procedure, criminal science; investigative activity". The authors cite five theses from this manifesto in the present article. They deal with such categories as the subject, object, truth, knowledge. Thereby the essence of the critical legal research making up the methodology of new science on criminal procedure is defined. The task consists in the deconstruction of the basic concepts of classical science on law, justice, and proof. The dogmatics of the dominating legal doctrine is exposed to criticism. The text, language, speech activity and sign are suggested as the main objects of criminal procedure reality. The law is interpreted as the text of the law multiplied by its interpretations during pleadings, while the legal proceedings are treated as a language game. The truth represents the result of coordination of statements about the true. The article attempts to give new definitions to the law, legal proceedings, and criminal justice. The authors propose the new interpretation of the purpose of criminal procedure in society which consists in the punishment of violence, necessary for maintaining the social structure in equilibrium. The special attention is paid to the criticism of current trends in the development of the Russian criminal procedure legislation.

**Key words:** critical legal research, criminal procedure, criminal justice, object and subject, judicial truth.